

Отец и сын, Александр и Михаил Ширвиндты, мало похожи внешне. Но все же у них есть немало общего: хулиганское детство, нелюбовь к формальностям, снисходительность и мягкость в воспитании детей.

Такими, по крайней мере, они предстали перед «Собеседником». Сами герои материала полагают, что это — наследственное.

Бабушка: на Сашу орала, Мише курить разрешала

— Я считаю, самое главное в воспитании — генетика и семейная аура, — заулыбался Александр Ширвиндт. — Как ни воспитывай человека, все равно в нем проявится только то, что заложено родителями в первую брачную ночь.

Ширвиндт-старший создал самого настоящего хулигана. Как всем не в меру шкодливым детям, Мише постоянно твердили, как отлично учились его папа и мама и какой он у них недотепа. И только поступив в институт, Ширвиндт-младший случайно нашел школьный табель отца, изобилующий двойками и записями о вызовах предков к директору.

— Проще рассказать, чего я в детстве не вытворял, — вспоминает Александр Анатольевич. — Но родители меня не наказывали, поскольку не успевали догнать. Поэтому все ограничивалось мамиными криками.

Тем удивительнее выдержка Раисы Самойловны, принимавшей немалое участие и в воспитании внука.

— Для меня она была не бабушкой, а закадычной подругой, частенько покрывая от родителей, — вспоминает Михаил. — При ней я даже мог покурить.

Однажды сына актера поймали на воровстве. Миша поспорил с приятелем на 10 шелбанов, что сопрет из магазина пачку сметаны. Продукт плавно перекочевал с полки в портфель к школьнику, а сырок — в карман. На выходе парня сцапали, и магазинное начальство позвонило родителям. К телефону подошла бабушка, которая пообещала выпороть внука. Мальчика отпустили. А бабушка так ничего никому и не сказала.

До истории с сырком была и другая — тогда Миша натурально воровал деньги.

— В общественном транспорте были очень стильные каски с пластиковой крышечкой, — вспоминает Михаил. — В них надо было опускать мелочь за проезд и откручивать билет. Люди, у которых было 10 копеек, просили тех, кто передавал 5, не опускать их в кассу, а отдавать обладателю гривенника. И тот опускал 10 за двоих. Причем мелочь часто передавали через весь салон. Я очень удивлялся, что никто этой ситуацией не пользуется. Вот мы с приятелем и стали собирать пятики с пассажиров, кладя их в карман вместе с гривенниками. Поначалу все сходило с рук. Потом нас застукали... А где-то с 8-го класса жизнь у меня начи-

налась ночью. Все ребята из нашей компании, к восторгу родителей, очень рано ложились спать. А мы в полночь вылезали из-под одеял и тихонько сваливали через окно на пруд. Там костер, патефон, пиво — в общем, сказка. Для взрослых.

Школа: старший не терпел и младшему не велел

Но и Ширвиндту-старшему есть что вспомнить. Его отец был скрипачом и, естественно, мечтал сделать из отпрыска Паганини.

— Но я скрипку ненавидел, — признается Александр Анатольевич. — Когда надо было заниматься дома, запирался в туалете и не выходил оттуда, несмотря на все мольбы родителей. К радости моей и педагогов, из музшколы меня исклю-

александр и михаил ширвиндты:

МЫ ОБА

НЕ ПОДАРКИ

чили. Но кое-чему я все-таки там научился. Несколько лет назад в Большом зале консерватории был концерт «Виртуозов Москвы». Перед началом мы с Державиным поднялись на сцену, и я отобрал у Володи Спивакова его скрипку. Непосвященная публика была несказанно удивлена, когда я исполнил на ней несколько аккордов.

Михаил упорно шел по стопам отца. История с исключением повторилась и в его жизни. — Родители все время пугали, что меня вытюрят из школы, — рассказывает Михаил. — И однажды это произошло. Помню, проснулся изгнанным. Мама дома не было, на кухне сидел отец, но разговаривать со мной он не стал.

В тот день у Ширвиндта-старшего был выходной, он собрался с другом поехать в дом отдыха «Актёр» поиграть в бильярд. Александр Анатольевич

тихо сказал сыну: «Одевайся». Вышли, сели в машину. Ширвиндт-старший всю дорогу не замечал наследника.

— Я сидел и гадал, куда меня везут: топить, что ли? — вспоминает Михаил. — Но нет, добрались до места, отец убежал. Ко мне же подошел Державин и предложил сыграть в хоккей. Потом я узнал, что ему пришлось долго выбивать из папы разрешение на это. Он дал мне настоящие хоккейные коньки, которых у меня никогда не было, фирменную клюшку. Мы вышли на лед, где появились еще двое. И я окаменел: это были Мальцев и Харламов, игроки всех времен и народов. И мы играли двое на двое целых два часа!

Так день изгнания из школы стал для младшего Ширвиндта самым счастливым в жизни.

— Физически я его не наказывал, — признается Александр Анатольевич. — Когда совсем ма-

ленький был, иногда в угол ставил, лишал каких-то детских радостей типа похода в кино или не разговаривал с ним. А это было тяжело для нас обоих.

— Отец кричал на меня только для проформы, — уверен Ширвиндт-мл. — Я чувствовал: он только делает вид, что орет, и притворялся, что глубоко раскаиваюсь. Такое положение нас обоих устраивало.

Дети: отца не боятся, к деду ластятся

Сегодняшние поколения Ширвиндтов связывает семейная дача, принадлежащая семье с 1935 года.

— Нас с двоюродным братом (он на год старше) отправляли туда, как только начинались летние каникулы, — вспоминает Александр Анатольевич. — И мы торчали там до 31 августа. У нас обоих дни рождения летом, это были ключевые праздники года. Они всегда проводились по одному сценарию. Утром после завтрака нас ставили на табуретки, на патефоне проигрывался марш, и все родственники дарили подарки. Не дай бог, если они отличались друг от друга — сразу слезы, драки и обиды. А когда Мише было лет 12–13, мы, взрослые, играли с детьми в мушкетеров — писали шифрованные письма, делали красивые костюмы. Дети были мушкетерами, а мы — гвардейцами и прочими отрицательными героями.

Зимой же дети стреляли друг в друга из рогаток.

— Дочке папиного одноклассника чуть глаз не выбили, — говорит Михаил. — А еще делали бомбочки, однажды я сам подорвался на такой. Она была мощная — я на нее кучу хлопучек извел. Вытряхнул из них всю мишуру, собрал штук 10 запалов — и положил в стеклянный пузырек из-под валидола. Как-то в гостях достал его и,

тряхнув, сказал: «Смотрите, что у меня есть!» Все это разлетелось на кучу мелких осколков. Я стал похож на ежика, весь в этих маленьких стеклышках. Хорошо, глаза целы остались.

Новому поколению Ширвиндтов — детям Михаила, 15-летней Александре и 21-летнему Андрею, приходилось развлекаться самим. Как-то Андрей заставлял сестру пить воду из лужи.

— Я за это орал на обоих, — кается их отец, — но помогло мало. Часто говорю: «Вот этого ты больше не пойдешь», туда ты больше не пойдешь». Они знают, что все это только угрозы. Долго быть принципиальным не получается.

А на шее дедушки внуки только что не сидят — он выполняет любые их пожелания.

— Когда мне звонит Саша и елеинным голоском начинает спрашивать, как дела, сразу понимаю — девочке что-то нужно, — признается Александр Анатольевич. — Недавно достал ей билеты на каких-то музыкантов. Оказалось, на фашистскую «Раммштайн».

Семьи Михаила и Александра Ширвиндтов живут раздельно, общаются родственники чаще по телефону.

— Теперь у нас с папой полное взаимопонимание: трудно вспомнить, когда мы с ним последний раз ругались, — говорит Михаил. — Мне удивительно, почему раньше не могли найти общий язык. И жаль, что так редко видимся... Недавно с женой Таней ходили в Театр сатиры на премьеру папиного спектакля «Время и семья Конвей». Постановка была очень важна для отца. Ему очень хочется, чтобы театр изменился в лучшую сторону, отсюда и все волнения. Когда все закончилось, мы с Таней зашли за кулисы и долго поздравляли отца. В такие моменты я им очень горжусь.

■ Мария Алферова.

Михаил Александров:
«И что мы с тобой делили?»

Фото из архива редакции